

Лучшее лекарство от скуки – авантурные детективы ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ

Деньги для киллера	Ампула девственницы
Ставка на слабость	Список донжуанов
Тонкая штучка	Ангел нового поколения
Я — ваши неприятности	Бочка но-шпы и ложка яда
Строптивая мишень	Мавр сделал свое дело
Как бы не так	Тень стрекозы
Чего хочет женщина	Одна, но пагубная страсть
Сестрички не промах	Закон семи
Черта с два	Сжигая за собой мосты
Невинные дамские шалости	Последняя любовь Самурая
Жестокий мир мужчин	Невеста Калиостро
Отпетые плутовки	Испанская легенда
Ее маленькая тайна	4 любовника и подруга
Мой любимый киллер	Welcome в прошлое
Моя любимая стерва	С чистого листа
Последнее слово за мной	Мое второе я
Чумовая дамочка	Уходи красиво
Интим не предлагать	Неутолимая жажда
Овечка в волчьей шкуре	Огонь, мерцающий в сосуде
Барышня и хулиган	Она в моем сердце
У прокурора век недолог	Тайна, покрытая мраком
Мой друг Тарантино	Выйти замуж любой ценой
Чудо в пушистых перьях	Судьба-волшебница
Любовь очень зла	Наследство бизнес-класса
Час пик для новобранцев	Змей-соблазнитель
Фитнес для Красной Шапочки	Время-судья
Брудершафт с терминатором	Свой, чужой, родной
Миллионерша желает познакомиться	Разрушительница пирамид
Фуршет для одинокой дамы	Дневник чужих грехов
Ампула девственницы	Особняк с выходом в астрал

Сериал «Таинственная четверка»

Миссия свыше	В самое сердце
Коллекционер пороков и страстей	Четыре всадника раздора
Знак предсказателя	

Сериал «Фенька — Femme Fatale»

И буду век ему верна?
Единственная женщина на свете
Трижды до восхода солнца
Вся правда, вся ложь
Я смотрю на тебя издали
Небеса рассудили иначе

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить
Жаркое дыхание прошлого
Не вороши осиное гнездо
Сыщик моей мечты
Голос, зовущий в ночи
Когда я вернусь

Сериал

«Анфиса и Женька – сыщицы поневоле»

Капкан на спонсора	Неопознанный ходячий объект
На дело со своим ментом	«Коламбия пикчерз» представляет
Охотницы за привидениями	Предчувствия ее не обманули

Сериал

«Ольга Рязанцева — дама для особых поручений»

Все в шоколаде	Аста Ла Виста, беби!
Вкус ледяного поцелуя	Леди Феникс
Эксклюзивный мачо	Держи меня крепче
Большой секс в маленьком городе	Новая жизнь не дается даром
Караоке для дамы с собачкой	

Сериал «Одна против всех»

Ночь последнего дня
Та, что правит балом
Все точки над i
Один неверный шаг

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны
Тайна всегда со мной

50 ЛУЧШИХ АВАНТЮРНЫХ ДЕТЕКТИВОВ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

*Та, что правит
балом*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Л. Латышова*

Оформление серии *Д. Сазонова*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 Та, что правит балом : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-237669-6

Меня по-прежнему держат на крючке... Вынуждают совершать гнусные преступления, из-за меня гибнут люди. Видит Бог, я не хочу этого. Ведь управлять мною легко — они забрали моего ребенка. Спрятали в психушке единственную подружку. Отняли вновь обретенную любовь всей моей жизни. Мой главный мучитель — Ник. Что ж, раз мне не позволено уйти или даже умереть, я затею свою игру, благо научилась управлять Ником — мерзавцем и убийцей, использовать его извращенный ум в своих целях. А цель у меня одна — месть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т.В., наследники, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-237669-6

Путь мести не всегда прямой,
И на нем немудрено заблудиться.

«*Kill Bill*»

— Чертова погода! — злился Ник, глядя в окно.

Дождь вторые сутки лил как из ведра, однако я подозревала, что причина скверного настроения моего дорожного друга кроется вовсе не в дрянной погоде.

По большому счету, погода ему была безразлична, как и многое другое в этой жизни. Но уже несколько дней он проявлял повышенную нервозность, огрызался, злился, изводил меня придирками и хмуро таращился в окно, точно надеялся что-то там высмотреть. Может, Ник в душе романтик и желал увидеть луч света на горизонте, который вдруг мелькнет среди туч? Черт его знает. Почему бы и нет, в конце концов? Впрочем, я сильно сомневалась, что подобные чувства его посещают, но об истинной природе своего дурного настроения он не сообщит, следовательно, обращать внимание на его слова не стоит.

Именно этим я и занималась в тот момент: раскачивалась на стуле и пропускала его слова мимо ушей. Вряд ли ему это нравилось.

— Эй, — позвал он, хмуро понаблюдав за мной с минуты, — ты меня слышишь?

— Слышу. А также вижу, обоняю, восторгаюсь и люблю, — охотно ответила я, на некоторое время прекратив раскачиваться.

Он вроде бы собрался что-то ответить на это, но передумал. Покачал головой и, отвернувшись к окну, вновь пробормотал:

6 — Ненавижу дождь. Куда подевался твой Рахманов? — резко сменил он тему.

Я замерла, с удивлением глядя на Ника, потом вздохнула:

— Тебе лучше знать.

— Кажется, я не раз говорил: тебе стоит быть с ним поласковее. А ты что делаешь?

— А что я делаю? — решила я удивиться.

— Ни черта ты не делаешь. Парень должен по тебе с ума сходить, а вместо этого...

— Пошел к черту, Ники-бой, — с широкой улыбкой ответила я.

Еще полгода назад я бы вряд ли на такое рискнула. Было время, когда я до судорог боялась этого типа. И, если честно, у меня были на то основания. Но несколько месяцев назад Ник свалил дурака — открылся, как плохой боксер, пусть всего лишь на миг, но мне этого хватило. Так что теперь я знала: Никита Полозов вовсе не исчадие ада, воплощение вселенского зла, могущественное и непобедимое, он человек из плоти и крови, как все мы, грешные. Опасный, хитрый, изворотливый, подлый — список можно продолжить, — но все-таки человек. У него даже есть свои слабости. Теперь я это знала наверняка и не преминула воспользоваться. Иногда мне это сходило с рук, иногда нет. Но я неустанно экспериментировала.

Через мгновение стало ясно: назвать сейчас моего друга Ники-боем — плохая идея. Онотреагировал в своей обычной манере: сделал молниеносное движение и выбил из-под меня стул. Если быть честной, я к этому подготовилась и при желании легко бы удержалась на своих двоих, но решила, что небольшая радость скрасит Нику существование, а потому повалилась на пол. Он взирал на это настороженно, должно быть, гадал, чему обязан данным фактом: своей ловкости или моей покладистости.

Я поднялась, поставила стул и сказала без злобы:

— Сукин сын, — после чего продолжила рас-
качиваться.

— Что-то происходит, — понаблюдав за мной немно-
го, выдал он ценную мысль.

— Конечно, — кивнула я. — В мире всегда что-ни-
будь происходит.

— Ты меня достала, — поморщился он. — Состояние
твоей шкуры напрямую зависит от того, что там замыс-
лили хозяева.

С этим, конечно, глупо спорить, однако в тот момент
меня мало волновало и даже, сказать по чести, мне было
безразлично, что они там затевают и как это отразится на
мне. Когда человек долгие годы живет в постоянном стра-
хе, он привыкает к нему, как инвалид к коляске. А потом
вроде бы и вовсе его не чувствует. Нечто подобное про-
изошло со мной в тот момент, когда я поняла, что спас-
ти Машку смогу лишь ценой предательства. То есть спас-
ти могу, но сразу же потеряю, потому что она мне это
предательство вряд ли простит. Сейчас Машка находи-
лась в психушке, совершив якобы убийство в состоянии
помутненного сознания, в котором она вроде бы до сих
пор пребывает. Конечно, Машка никого не убивала, но
ей пришлось согласиться с правилами игры, и мне тоже.
На днях ее должны перевести в клинику, где режим по-
мягче, а я вследствие своего незавидного выбора лиши-
лась интереса к жизни.

Хотя страх все еще присутствовал во мне, но теперь
он был иного рода. Я страшилась встретиться с Машкой.
Я не знала, как смогу объяснить ей свой поступок, хотя
наша затея засадить хозяев Ника в тюрьму всегда каза-
лась мне невероятно глупой. Но Машка верила, что мы
сможем, а я слишком любила ее, чтобы стоять в стороне
и наблюдать, как она себя губит, потому и полезла в дра-
ку, ни мгновения не веря в победу. Развязка последова-
ла незамедлительно: Машка в психушке по обвинению

8 в убийстве, которого не совершала, а я с удвоенным рвением танцую под дудку все тех же хозяев, чтобы ее когда-нибудь оттуда вытащить. Человека, который был единственным свидетелем давнего преступления и чье заявление при известном везении помогло бы увидеть господина Долгих за решеткой, я сдала Нику, после чего свидетель скончался, а наши тщетные усилия оставили горечь в душе и бесполезный стыд за совершенное предательство.

Рахманов, о котором говорил Ник, — адвокат и близкий друг господина Долгих, мой любовник, что позволяло надеяться на вызволение Машки из психушки, и по этой причине я выделяла перед ним разные фокусы, вроде цирковой собачки за кусочек сахара (в роли сахара была все та же Машка). Теперь Рахманов вдруг исчез, не появлялся у меня уже несколько дней. Однако сам Ник не раз утверждал, что делать ставку на подобного типа вещь зряшная, так что неясно, чем он сейчас недоволен.

Рахманов не только не появлялся у меня четвертые сутки, но и не звонил. Я ему тоже не звонила, по опыту зная, что это бессмысленно, но даже его внезапное охлаждение ко мне не вызвало никаких эмоций.

— Он тебе ничего не говорил? — не унимался Ник.

— Рахманов? — подняла я брови. — Конечно, нет. Иначе ты бы об этом знал.

— У них какие-то заморочки с химзаводом... — Ник поскреб затылок, с неудовольствием глядя на меня. — Эти придурки все никак не успокоятся и заваливают суд своими исками.

— Надо же людям чем-то себя занять, — пожалала я плечами.

— Если бы только это... Однако нашелся полный придурок, пожелавший прищемить нашим кормильцам хвост. Причем дяде это вполне по силам, по крайней мере в том, что касается конкретного дела.

— И кто у нас такой отважный? — подивилась я. Наш кормилец господин Долгих со своими дружками представлялся мне едва ли не всемогущим, и чужая глупость вызвала удивление с легким восторгом в придачу.

— Литвинов, председатель областного суда, — буркнул Ник. — Слышала о таком?

— Нет. Зачем мне?

— Если он заартачится, Долгих дело проиграет, а это колоссальные убытки.

— Сочувствую.

— Хватит кривляться, — разозлился Ник, а я вздохнула.

— Ты-то чего о чужом добре печешься? Нам что за разница, лишится он завода или нет?

— Дура, — покачал Ник головой и даже поморщился, демонстрируя печаль ввиду моей бестолковости. — Он не проиграет дело. Никогда. Он не может себе это позволить, иначе кое-кто сообразит, что время, когда он тут хозяйничал, подошло к концу.

Я перестала раскачиваться на стуле и теперь разглядывала свои ноги. Причина скверного настроения Ника стала понятна. Если все так, как он сказал, Долгих придется сломить чужое сопротивление. Надеюсь, он попытается решить проблему миром. Подкупы, взятки и прочее здесь в большом ходу, насколько я знаю. Но если дядя всерьез заартачится? Если он действительно решил, что время таких, как Долгих, прошло, тогда... тогда с ним будет кончено, подобное Долгих тоже не раз проделывал. И тут уместно вспомнить замечание Ника о нашей шкуре. Моя его вряд ли особо интересует, но своей он, безусловно, дорожит. Предполагаемая мишень — лицо в городе далеко не последнее, следовательно, оставлять исполнителей в живых довольно глупо.

— Черт... — буркнула я.

10 — Вот-вот, — закивал Ник радостно, что, должно быть, относилось к моей внезапной догадливости, иного повода для радости я не видела. — И окажемся мы в ненужном месте в самое неподходящее для этого время.

— Ты просто так языком болтаешь или...

— Я догадываюсь, — перебил меня Ник язвительно. — Приказы, как известно, не обсуждают, их выполняют...

— Тогда какого черта ты нервничаешь? Если они что-то решат, мы...

— Если бы ты не была круглой дурой, твой Рахманов увидел бы в тебе девушку своей мечты, а не пушечное мясо. Ты вообще-то понимаешь, как тебе повезло, что он оказался в твоей постели?

— Если честно, особого счастья в этом не вижу, — ответила я.

Ник опять разозлился, но все-таки не удержался и хмыкнул.

— Сочувствую, однако, когда он устраивается у тебя между ног, кое-какие мысли ты бы могла донести до его сознания.

— Какие, к примеру? — проявила я любопытство.

— Что мир без тебя будет сер и уныл.

— Он легко найдет замену.

— А вот это плохо, очень плохо, — покачал Ник головой. — Ты ничего не хочешь сделать для нашей долгой счастливой жизни.

— Я буду стараться изо всех сил, — очень серьезно ответила я, ожидая, что он вновь выбьет из-под меня стул, но Ник лишь вздохнул.

— Боюсь, я зря трачу на тебя свое драгоценное время.

Он пошел к двери, и я отправилась следом, радуясь, что ему не пришла охота остаться на ночь. Впрочем, с тех пор, как Рахманов стал здесь частым гостем, Ник особенно не наглед.

Закрыв за ним входную дверь, я привалилась к стене, рядом с плакатом Че Гевары. Он смотрел с улыбкой вдаль и, должно быть, видел там светлое будущее. Жаль, не мое. Я вздохнула и спросила:

— Что скажешь, команданте?

Команданте была по фигу наша крысиная возня, он не желал отвечать, я сползла по стене, подтянула колени к животу и задумалась.

В голову лезли разные мысли, и я торопилась пове­дать о них Че, потому что больше некому. Я то и дело обра­щалась к нему и перемежала свой монолог вопросом: «Что думаешь?» Это создавало иллюзию беседы и не по­зволяло бесповоротно решить, что я давно и окончательно спятила.

Занималась я этим до тех пор, пока в дверь не позво­нили. Я поднялась с пола с большой неохотой, решив, что Ник надумал вернуться. На пороге стоял Рахманов с оди­нокой розой в руке. Его попытки придать нашим отноше­ниям романтический характер неизменно меня умиляли.

Собравшись с силами, я изобразила бурный восторг и повисла у него на шее. Он вошел в квартиру, радостно смеясь, захлопнул дверь ногой и сообщил:

— Я соскучился.

Надеюсь, мое лицо сияло от счастья. Рахманов из тех людей, что твердо уверены: мир создан для того, чтобы они могли здесь гадить в свое удовольствие.

Глядя на этого красавца, я часто думала о том, что господь большой шутник, раз решил явить миру подле­ца в столь элегантной упаковке. От самого себя Рахма­нов пребывал в бесконечном восторге и часто баловал меня сентенциями, почерпнутыми у Ницше, выдавая их за свои. Подозреваю, он всерьез считал себя сверхчелове­ком. Иногда я задавалась вопросом, что было бы с ним, не родился он в обеспеченной семье партийного вождя област­ного разлива, который, чутко уловив тенденцию, вовре-

12 мя переметнулся из коммунистов в бизнесмены, оттяпав в личную собственность изрядный кусок государственной. Это позволило единственному и любимому чаду взирать на окружающих с легким презрением и пользоваться благами в непоколебимой уверенности, что сие дано ему по праву. А если бы, к примеру, нелегкая занесла его в другую семейку — с папашей-алкашом и мамой-инвалидом, что тогда? Гадал бы, на что потратить последний червонец, штопал единственные носки и тянулся к знаниям? А по вечерам разгружал вагоны или торговал любовью по сходной цене? Интересно, мысль о сверхчеловеке и тогда бы посетила его или все, что наговорил чокнутый немец, показалось бы насмешкой? Впрочем, Рахманов устроился бы в любом случае. Обольстил бы богатую вдовушку, к примеру. Такие, как он, всегда устраиваются.

Мы переместились ближе к дивану, я успела пристроить розу в пустую бутылку, что позволило с двойным усердием изображать восторг. Расхожий кадр из фильмов о страстной любви: мы в обнимку на диване, он все еще в плаще и ботинках, и я торопливо помогаю ему избавиться от лишних вещей. Прерывистое дыхание, вздохи, легкое постанывание... Говорят: хорошо притворяться — значит почти любить. Мне это никогда не удавалось. Наверное, притворяюсь плохо. Хотя, судя по довольной физиономии Рахманова, этого не скажешь.

Мы пьем вино прямо из бутылки, передавая ее друг другу, сидя среди разбросанной одежды. Идею пить из горлышка когда-то подкинула я, и Рахманов стал проделывать это с таким бравым видом, будто воображал, что рушит все традиции и устои, эдакий революционер, плюющий на общественное мнение. Подозреваю, он собой гордился. К моему дурному влиянию следует отнести также привычку произносить «салют» вместо «здравствуй-

те» и еще два десятка испанских слов, которые он употреблял зачастую не к месту, зато сразу становясь похожим на Зорро, а также восхищение Че, которое я всерьез не принимала. В Рахманове было столько же романтизма, сколько во мне иллюзий, то есть, говоря попросту, не было вовсе.

Мой любовник обладал не только потрясающей внешностью, но и безусловным шармом. И законченным придурком также не являлся, так что дамы в нем души не чаяли. Ник утверждал, что у него три или четыре любовницы, не считая меня, и девиц, что пока еще только ждали своей очереди. В общем, мне, считай, повезло, раз наш красавец обратил на меня внимание.

Рахманов сделал еще глоток, поцеловал меня и сказал с чувством:

— Обожаю тебя.

На такие заявления я никогда не реагировала. Они вроде надоевшей рекламы — ты ее слушаешь, но тебе наплевать. Уверена, он произносит свои слова не задумываясь, как я не задумываюсь, пропуская их мимо ушей.

В общем, мы идеальная пара. Рахманов иногда любит порассуждать на эту тему, хотя и мне, и ему известно доподлинно: он с легкостью избавится от меня в самом что ни на есть конкретном физическом смысле, если усмотрит в том выгоду. Хотя я не исключаю возможности, что немного повздыхает, произнесет что-то сентиментальное и не лишнее мудрости. И даже, может быть, начнет посещать мою могилу с красной розой в руке, сделав визит чем-то вроде ритуала, как игра в карты по пятницам в клубе или утренняя пробежка по субботам. Дамам сей ритуал наверняка придется по душе: «Ах, он все еще оплакивает былую любовь...» Черт, куда это меня занесло с моими мыслями? Мне сейчас надлежит быть счастливой, скакать рядом резвой козочкой, заглядывая Рахманову в глаза, и таять под его нежным взглядом.

14 — Ты хмуришь лоб, — вдруг сказал он. — Неприятности?

Я торопливо растянула рот до ушей. «Неприятности бывают у людей, живущих нормальной жизнью, — хотелось ответить мне. — Вчера все было хорошо, а сегодня сломала каблук или кошелек свистнули — вот она, неприятность. Одно состояние посредством сравнения отличается от другого. Приятностей в моей жизни не было давным-давно, так что смело можно сказать, что неприятности начисто отсутствуют».

— Скучала без меня? — прошептал он мне на ухо, привлекая меня к себе.

— Конечно, — вздохнула я.

— Почему не позвонила?

— Мы это уже обсуждали.

— По-моему, твоя пресловутая скромность граничит с гордыней, — усмехнулся он.

— Помнится, ты хвалил меня за отсутствие назойливости и даже называл редкой девушкой. Надо полагать, все прочие замучили тебя звонками, так какого хрена уподобляться?

— Я улетаю на несколько дней, — серьезно заявил он.

— Далеко?

— Как сказать...

— Ясно. — Я помедлила и все-таки спросила: — Что с Машкой?

Разумеется, мне следовало печалиться, что любимый отбывает в неизвестном направлении, а не лезть с вопросами такого сорта. Но сдержаться я не могла. Против обыкновения, он не нахмурился, тем самым намекая на мою невыносимую бестактность, напротив, на его физиономии расцвела лучшая в мире улыбка.

— У меня хорошая новость, и я подумал, что ты должна услышать ее от меня. Ты знаешь, твою подружку завтра переводят в санаторий... то есть это, разуме-

ется, не совсем санаторий... в общем, ты поняла. 15

— Я смогу ее увидеть? — спросила я, сглотнув подкативший к горлу ком.

— Сможешь, — вновь улыбнулся он. — Я договорился. Они останутся в кафе на выезде из города, юго-западное направление. Кафе называется «Терек», у тебя будет минут пятнадцать, парни не станут мешать. Примерно в двенадцать тридцать они подъедут...

— Спасибо, — пробормотала я, обнимая его, и едва не разревелась, хотя слезливости в себе ранее не замечала.

— Перестань, ты же знаешь, как много я готов для тебя сделать.

Реветь сразу расхотелось, и благодарность куда-то испарилась, потому что Машка оказалась в психушке не без его участия.

— Спасибо, — еще раз сказала я, а он посмотрел как-то странно и отвел глаза.

— Тони хотел ее видеть.

— С какой стати? — нахмурилась я. — Он ее бросил.

— Ты слишком строга к парню, — перебил Рахманов. — Он переживает. Не знаю, почему они расстались, но уверен, его вины в том нет.

На самом деле Тони бросил Машку, когда узнал, что она наркоманка. Рахманову об этом, скорее всего, известно, но если есть желание повалить дурака...

— Значит, он тоже там будет?

— Наверное. В санатории ее можно будет навещать, кажется, раз в месяц, я уточню позднее...

— Как долго она там пробудет? — спросила я, хотя знала, что вопрос этот задавать не стоило.

— Ты же понимаешь, и такое решение вопроса стоило мне немалых сил...

16 Разумеется, я знала. Только неизвестно, насколько ли лучше тюрьмы этот санаторий, в который Машку к тому же упрячут на неопределенное время.

Ближе к полуночи Рахманов ушел, а я еще долго бродила по квартире, отмеряя нервными шагами три метра в одну сторону и пять в другую, изводя команданте бессмысленными вопросами. Иногда я вдруг замирала, уставясь в пол, и начинала что-то быстро-быстро говорить, потом вновь принималась двигаться, точно животное в клетке, которое все никак не желает смириться с очевидным фактом, что вольная жизнь в прошлом, а действительность — это узкое пространство от стены до стены. Я придумывала, что скажу Машке, нервничала, сбивалась... На самом деле я просто боялась этой встречи. Боялась увидеть в ее глазах презрение или равнодушие, что еще хуже.

— Главное, вытащить ее оттуда, — саму себя успокаивая, пробормотала я под конец, и команданте со мной согласился.

От ее красоты ничего не осталось. В первое мгновение я даже не узнала Машку, когда она вошла в кафе, затравленно оглядываясь, вздернув одно плечо, точно ожидая нападения и надеясь его избежать. Я сидела за столиком уже больше часа, не утерпев и явившись сюда раньше назначенного времени. В большом зале чистенького придорожного кафе я была одна, ждала, пялясь в окно, но машину все-таки проглядела, она подъехала с другой стороны. Звякнул колокольчик, и вошла Машка — в нелепом синем платье с белым воротничком, с коротко стриженными волосами, которые торчали в разные стороны, точно у грустного клоуна. Морщины не бороздили ее лицо, хотя у висков теперь была седина, как немое свидетельство страданий, делая ее человеком без возраста. Глаза потухли, в них застыла обреченность, на поху-

девшем лице они казались глубокими впадинами, как будто глаз не было вовсе. Кожа бледная, бескровные губы, словно жизнь покинула ее. Такое лицо бывает у смертельно больных.

Сердце мое сжалось, и на мгновение я решила, что рухну в обморок, такой непереносимой мне показалась первая минута нашей встречи, но Машка уже увидела меня, и на блеклых губах появилось подобие улыбки. Она шла ко мне, и я поднялась ей навстречу.

— Салют, — сказала она. Нас отделяло друг от друга несколько шагов, и она торопливо отодвинула стул, села, пряча от меня взгляд, и мне ничего не осталось, как сесть напротив. — Что, скверно выгляжу? — усмехнулась она, по-прежнему не поднимая взгляда. — Это ерунда. Чувствую себя Штирлицем, — добавила она, оглядываясь. — Как называлось то кафе? «Элефант»? Капучино здесь подают?

— Нет. Только эспрессо.

— Черный кофе вредит моему здоровью, так сказал мой эскулап, — хихикнула Машка. — Ладно, закажи чаю. И пирожных, штук пять. Надо пользоваться моментом.

Нам принесли чай с пирожными, Машка помешивала ложкой чай, все еще пряча взгляд, а я мучилась невозможностью найти нужные слова. Молчание нависло, давя на плечи, а я все никак не могла собраться с силами.

— Как ты? — неуверенно начала я.

— Нормально, — кивнула Машка. — Не смотри, что выгляжу на два с минусом, правда, нормально. Врач сказал, что я избавилась от порока и впереди у меня новая жизнь. Счастливая, разумеется. Если я буду внимать голосу разума. Так что можешь меня поздравить. Идиот, — презрительно фыркнула Машка и впервые посмотрела мне в глаза. — Рогозин жив? — спросила резко.

Рогозин — еще один мечтатель из нашей команды, хотя, работая в прокуратуре, мог бы распроститься с ил-

18 люзиями. Идея покончить с Долгих и компанией принадлежала ему, Машка поверила его разглагольствованиям, и мы затеяли игру, в которой было столько же смысла, сколько и шансов на удачу.

— Жив, — кивнула я.

— Хорошо, — подумав, ответила Машка. — Значит, разделаться с ним они не рискнули. Хорошие пирожные... Меня постоянно почему-то тянет на сладкое.

— Машка...

— Молчи, — перебила она. — Все в порядке. То есть все так, как и должно было быть. Это я во всем виновата. Я. Не вздумай винить себя. Ты с самого начала знала, что наша затея гроша ломаного не стоит. А я возомнила себя Жанной д'Арк. А сама струсила, как только увидела того типа с «пушкой» и поняла расклад. Не вышло из меня героини. Кишка оказалась тонка. Только тебя подставила. Ты теперь небось за мою жизнь Нику по гроб обязана. Не отвечай, я и без того знаю. Обязана.

— Машка...

— Ты вот что, — вновь перебила она. — Сматывайся. Все равно куда, лишь бы подальше от них. И не думай обо мне. Ты мне не поможешь. Бесполезно. А мне легче будет.

— Зачем ты так говоришь? — нахмурилась я.

— Значит, никуда не уедешь? Зря. Со мной конечно, понимаешь? Первое, что сделаю, если вырвусь из психушки, опять подсяду на иглу. Повезет, так сдохну в расцвете лет, как многие из наших сестер и братьев. И твоя любовь меня не остановит. Ничто не остановит. Поняла? Купи еще пирожных, с собой возьму.

Я позвала официанта, и тут дверь вновь распахнулась — в кафе торопливо вошел Тони. Машка повернулась на звук колокольчика, и лицо ее исказилось, точно от страшной боли. Она испуганно провела рукой по своему лицу, волосам, посмотрела на меня, как будто ища защиты.

— Зачем? — спросила жалобно и вся съезжилась, сжалась, точно кто-то невидимый наносил ей один смертельный удар за другим.

— Маша, — позвал Тони, бросаясь к ней, а она закрылась руками и закричала:

— Пусть он уйдет. Я не хочу.

Следующие несколько минут показались мне сущим адом. Машка вопила как безумная, официант, выпучив глаза, не знал, что делать, из кухни выскочили поварахи. Двое парней, сопровождавших Машку, пытались ее утихомирить. Я орала на них и орала на Тони, чтобы убрался к черту, а он никого не слушал — расшвырял парней, схватил ее в охапку и прижал к себе, повторяя бессмысленно:

— Машенька... Маша... я люблю тебя...

И все вдруг разом отступили, оставив их вдвоем. И Машка вцепилась в него так, что у нее побелели пальцы, и, пряча лицо на его груди, тихонько поскуливала, а он все повторял и повторял одно и то же, все тише и спокойнее, пока она не перестала вздрагивать и не разжала пальцы. А я, стоя в трех шагах от них, вдруг поняла, что больше не нужна ей. Единственное, что ее еще связывало с этим миром, единственное, что заставляло смириться с ним, это ее любовь, которую она тщетно пыталась забыть. Мне было больно и страшно за нее, потому что в его любовь я не верила: ни тогда, ни сейчас, и боялась, что очередное разочарование, самое непереносимое разочарование раздавит ее. А потом я подумала, что это, должно быть, ревность. У меня никого нет, кроме Машки, и я вижу в Тони соперника, потому что если она и нуждается в любви, то отнюдь не в моей, и как это ни горько для меня, но нужен ей этот парень, и только он способен ее спасти. Я отошла к стойке и заказала еще чаю.

Парни стали торопить с отъездом, и они вчетвером направились к двери, к великой радости официанта и баб с кухни, что тянули шеи, боясь пропустить увлекатель-

20 ное зрелище. Уж какие там сериалы... Машка не оглянулась и, наверное, даже не вспомнила обо мне, а я пила чай и думала о том, что мне придется пережить и это. «Неважно, кто выгащит Машку. Главное, выгащить», — мудро рассуждала я. И пыталась смотреть на жизнь с оптимизмом. Не скажу, что мне это особенно удавалось, но я старалась.

Вернувшись в город, первым делом заехала в любимый салон-магазин и купила ей платье. Мне нравилось думать о том, что ее обрадует подарок. Машка обожала наряды. Моя суета создавала иллюзию нашей былой общности. В крайнем случае подарок ей передаст Тони, тогда она его точно примет.

Вернувшись с платьем в машину, я часа полтора сидела, тупо уставившись в лобовое стекло, пытаюсь собрать по крохам свой оптимизм. Жизнь за окном представлялась нелепой и до обидного недостижимой. В конце концов я оставила машину и бродила по городу без всякого толка и вроде бы даже без мыслей, а ближе к вечеру отправилась к Виссариону. В его кабаке было немногочисленно, что меня вполне устроило. Потом зарядил дождь, и в кафе потянулись девицы, работавшие неподалеку, — крикливые, нелепо раскрашенные, вечно раздраженные, но, как ни странно, их общество успокаивало. Все просто: находясь среди проституток, я чувствовала, что бесприютность и отчаяние вовсе не что-то особенное, а обычное и вполне нормальное явление в этом мире, и я отнюдь не единственная, кто смотрит на него с позывами на рвоту, а значит, нечего переживать.

Мы пили с Виссарионом чай и болтали о погоде. Я ловила на себе его взгляды, иногда хмурые, иногда встревоженные, и упорно делала вид, что не замечаю его беспоконья. Задавать вопросы он так и не рискнул. Когда девиц собралось десятка полтора, я вспомнила, что вроде бы здесь работаю, и перебралась к роялю. Девицы